

А. С. Сенько

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОБЩЕНАДЗОРНОГО ПРОТЕСТА И СОПУТСТВУЮЩИХ ЕМУ ПРАВ ПРОКУРОРОВ

Обращение органов прокуратуры в своей деятельности к защите прав человека выдвигает в число первоочередных задачу совершенствования форм реагирования на выявленные нарушения законности, среди которых нового осмысления и практического решения, безусловно, требует общенадзорный протест прокурора.

В законодательстве заложены основы принесения прокурорами протестов. В частности, в Законе Республики Беларусь «О Прокуратуре Республики Беларусь» (Закон о прокуратуре) от 29 января 1993 г.¹ перечислены основания принесения, предмет, юридическая сила протестов и т. д. В правоприменительной практике обращение прокуроров к протестам является распространенной и широко применяемой формой реагирования. Так, органами прокуратуры Республики Беларусь в 1999 г. принесено 3956 протестов, в 2000 г. – 4116, а в 2001 г. – 3870². Отсюда можно было бы прийти к выводу, что с правовой регламентацией протестов все в порядке. И дело, казалось бы, только за надлежащим соблюдением имеющегося законодательства. К сожалению, это не так.

Отметим, что в отечественной юридической литературе правовые аспекты принесения протестов и сопутствующие им полномочия прокуроров практически (за некоторыми исключениями) не анализировались. А они сложны и зачастую противоречивы, нуждаются в исследовании. Обозначим некоторые из них.

Предмет протеста. В соответствии с ч. 1 ст. 35 Закона о прокуратуре, прокурор приносит протесты на акты, а в отношении должностных лиц – и на действия объектов прокурорского надзора. В науке относительно предмета протеста нет единого подхода. Ученые, единодушно соглашаясь о возможности опротестования письменных правовых актов, дискутируют по поводу принесения протестов на действия (бездействие) должностных лиц, не облеченных в письменную форму. Одни стоят на позиции опротестования как письменных актов, так и действий (бездействия) должностных лиц³. Другие высказыва-

ются о возможности принесения протеста только в отношении письменных правовых актов⁴.

Более предпочтительно мнение авторов первой группы, поскольку, с одной стороны, не вызывает сомнения, что нарушение правового статуса человека может произойти не только посредством издания (принятия) правового письменного акта, но и путем дачи устного распоряжения, совершения действия, воздержания от определенных действий. С другой стороны, выглядят малоубедительными, а порой и устарелыми приводимые в обоснование своей позиции доводы второй стороны о том, что возможность опротестования действия (бездействия) не предусмотрена законодательством, сложно выявить и доказать подлежащее опротестованию действие (бездействие)⁵.

Относительно первого аргумента укажем, что Закон о прокуратуре относит к предмету протеста акты и действия (ст. 35). Входит ли в предмет опротестования бездействие – оценить сложнее. В Законе не дается разъяснение применяемой категории «акт». В теории отмечается, что правовые акты могут издаваться (приниматься) в письменной, в устной, в конклюдентной форме, путем молчания⁶. В этом случае есть основания говорить о законодательном отнесении к предмету опротестования бездействий должностных лиц. В то же время использование в Законе о прокуратуре словосочетаний «акт и действие» можно расценить как неотнесение к предмету протеста бездействий должностных лиц. Данное сомнение нужно устранить в пользу отнесения бездействий к предмету протеста.

Что же касается трудностей, возникающих в процессе выявления и доказывания фактов действий (бездействия), то, как справедливо по этому поводу писал А. С. Радонцев, речь идет не о способах и приемах доказывания самого незаконного действия, а о принципе: можно ли противоправное действие опротестовать или нет? Ответ на поставленный вопрос, по мнению автора, может быть только положительным⁷.

При определении предмета опротестования заслуживает внимания еще один момент. Закон о прокуратуре предписывает, что протест приносится на «противоречащий закону» акт или действие (ст. 35). Трудно согласиться с такой позицией. Основным Законом страны на Генерального прокурора Республики Беларусь и подчиненных ему прокуроров возложена обязанность осуществлять надзор за точным и единообразным исполнением не только законов, но и декретов, указов

и иных нормативных актов (ст. 125). Следовательно, к предмету протеста должны относиться не только противоречащие закону акты, действия (бездействие), но и акты, действия (бездействие), противоречащие декретам, указам и иным нормативным актам, надзор за исполнением которых возложен на прокуратуру Республики Беларусь.

Форма протеста. Устное обращение прокурора. Законодательство о прокурорском надзоре не определяет форму протестов. В юридической литературе по поставленному вопросу имеется двойное мнение. Л. Л. Дедков, В. Г. Лебединский, В. Г. Мелкумов считают, что принесение протестов возможно только в письменной форме⁸. С. Г. Березовская, С. И. Журомский, Ю. Е. Винокуров, Н. Кириллов, Л. А. Николаева, А. С. Радонцев признают как письменную, так и устную форму протеста⁹.

И те и другие допускают применение в правоприменительной практике органов прокуратуры устных обращений прокуроров к должностным лицам, посредством которых прокуроры требуют принятия мер, направленных на устранение нарушений законности и обстоятельств им сопутствующих. Ознакомление с практической деятельностью органов прокуратуры Республики Беларусь также свидетельствует, что прокуроры нередко в целях оперативного реагирования на выявленные нарушения законности и упрощения процедуры прокурорского реагирования обращаются в устной форме к соответствующим должностным лицам с требованием об устранении нарушений законности, восстановлении нарушенных прав.

Разногласие между авторами состоит в том, что первые не отождествляют устные обращения прокуроров с протестами, относя их к самостоятельной форме реагирования прокуроров на выявленные нарушения законности – устные обращения к должностным лицам об устранении выявленных нарушений законности. Другие, напротив, ставят знак равенства между устными обращениями прокуроров и устными протестами. Таким образом, ответ на вопрос о форме протеста зависит от того, относятся ли к протестам устные обращения прокуроров.

Обратимся в связи с этим к доводам, приводимым оппонентами в обоснование своих позиций. Сторонники письменной формы протеста не относят к разряду протестов устные обращения прокуроров и выделяют их в качестве самостоятельной формы прокурорского реагирования, исходя из того, что протест, согласно законодательству,

мыслится как письменный документ. Поэтому, по их мнению, устные обращения прокуроров необходимо относить к самостоятельной форме прокурорского реагирования¹⁰.

Юристы, допускающие возможность как письменных, так и устных протестов, признают устные обращения прокуроров протестами на основании следующих аргументов: в законе не указана форма протеста, следовательно, она может быть как письменной, так и устной; устные обращения прокуроров не выделены в качестве самостоятельной формы реагирования на выявленные нарушения законности, вследствие чего они являются устной формой протеста¹¹.

Правильными представляются доводы первой группы авторов. Несмотря на отсутствие в Законе о прокуратуре прямого указания о форме протестов, анализ соответствующих положений закона позволяет заключить, что речь в нем идет именно о письменной форме прокурорского акта. В частности, о письменной форме протеста можно говорить, опираясь на анализ положений ст. 36 и 37 Закона о прокуратуре, в которых сказано о представлениях и постановлениях прокуроров. Как и в нашем случае, в указанных нормах прямо не говорится о формах представления и постановления. Однако в теории прокурорского надзора никогда не ставился вопрос об устной форме данных актов прокуроров.

Следовательно, устные обращения прокуроров к должностным лицам по поводу нарушений законности, прав, свобод и законных интересов человека нельзя отнести к протестам прокуроров, их нужно признать самостоятельной формой прокурорского реагирования.

Ученые, предлагающие выделить в качестве самостоятельной формы прокурорского реагирования устные обращения к должностным лицам об устранении выявленных нарушений законности, в большинстве своем детально не исследовали их характер, элементы, условия применения и правовые последствия, ограничиваясь, как правило, общими указаниями о том, что обращения заявляются в устной форме должностным лицам поднадзорных органам прокуратуры объектов, являются первоначальной формой реагирования прокурора на выявленные нарушения законности¹².

Представляется, что устные обращения прокуроров могут направляться не только должностным лицам поднадзорных объектов, но и любому иному должностному лицу и органу, правомочным принять по ним решение. Кроме того, необходимо обязать адресатов устных

обращений прокуроров безотлагательно рассматривать обращения и незамедлительно сообщать прокурорам о принятом решении, так как данная форма реагирования не снимает с прокуроров обязанность осуществлять надзор как за своевременным и надлежащим рассмотрением устных обращений прокурора, так и за фактическим устранением нарушений законности, восстановлением нарушенных прав, свобод и законных интересов человека.

Для легализации сложившейся в правоприменительной практике органов прокуратуры Республики Беларусь рассматриваемой формы прокурорского реагирования необходимо в ч. 2 ст. 22 Закона о прокуратуре указать на полномочие прокуроров в устной форме обращаться к соответствующим лицам и дополнить главу 5 Закона самостоятельной статьей, оговаривающей вопросы, связанные с устными обращениями прокуроров.

С учетом вышеизложенного можно предложить следующую редакцию вносимого в ч. 2 ст. 22 Закона пункта:

«в устной форме требуют устранения выявленных нарушений законности».

Главу 5 Закона необходимо дополнить ст. 35¹ «Обращение прокурора»:

«В целях оперативного пресечения выявленных (готовящихся) нарушений законности, восстановления нарушенных прав, свобод и законных интересов участников правоотношений, прокурор вправе в устной форме обратиться с требованием об устранении нарушений законности и восстановлении нарушенных прав к органу или должностному лицу, правомочным принять по обращению решение.

Обращение прокурора подлежит немедленному рассмотрению. О результатах рассмотрения безотлагательно сообщается прокурору.

В случае нерассмотрения обращения либо отказа в его удовлетворении прокурор вправе применить иные формы прокурорского реагирования».

Юридическая сила протеста. По Закону о прокуратуре протест должен быть рассмотрен в десятидневный срок после его поступления, а местными Советами депутатов – на очередных сессиях. О результатах рассмотрения протеста письменно сообщается прокурору. При рассмотрении протеста коллегиальным органом о дне заседания заранее извещается прокурор, который вправе принять участие в его рассмотрении. Принесение протеста приостанавливает действие про-

творечащего законодательству акта до рассмотрения протеста (ч. 3 ст. 35).

Обязательность рассмотрения протестов адресатами, сроки рассмотрения протестов, указание об уведомлении прокуроров о дне рассмотрения протестов коллегиальными органами и о результатах рассмотрения протестов четко прописаны в законодательстве и не вызывают никаких серьезных нареканий в юридической литературе и практической деятельности. Здесь необходимо сказать лишь о необходимости корректировки диспозиции ч. 3 ст. 35, предписывающей, что «о результатах рассмотрения протеста письменно сообщается прокурору», так как в статье не указан срок, в течение которого должен быть уведомлен прокурор. Это серьезное упущение законодателя. Извещение прокуроров о результатах рассмотрения протестов нельзя считать формальным, «процедурным» актом, единственное предназначение которого состоит в постановке прокуроров в известность о принятых по результатам рассмотрения протестов решениях. В науке обоснованно отмечается, что прокурорско-надзорный процесс отнюдь не завершается стадией вынесения прокурорами актов прокурорского надзора¹³. Поэтому прокуроры нуждаются в оперативном получении информации о результатах рассмотрения протестов.

Как видится, в Законе о прокуратуре необходимо закрепить норму, обязывающую адресатов протестов безотлагательно, в письменной форме сообщать прокурорам о результатах рассмотрения протестов.

Наиболее неоднозначно в теории оценивается приостановление, посредством опротестования, действий, противоречащих законодательству актов. Не углубляясь в суть проблематики, отметим, что сегодня кардинально меняется представление о месте органов прокуратуры в механизме государственной власти. В научной литературе справедливо указывается на отнесение института прокурорского надзора к контрольно-надзорной, контрольной ветви государственной власти¹⁴. Обязательным атрибутом контрольной, контрольно-надзорной власти является наличие административно-властных полномочий. На этом фоне убедительно и обоснованно выглядит наделение прокуроров определенными властными полномочиями в виде приостановления действия опротестованных актов.

Рассматриваемое проявление юридической силы протестов вполне согласуется и с конституционными предписаниями, духом действующего законодательства. Статья 6 Конституции Республики Беларусь

указывает, что государственные органы в пределах своих полномочий взаимодействуют между собой, сдерживают и уравнивают друг друга. Приостановление действия опротестованных актов как раз и является одной из таких форм. Многие законодательные акты Республики Беларусь также, в той или иной мере, допускают возможность приостановления действия опротестованных прокурорами актов, и не только в сфере управления. Достаточно вспомнить административное, уголовно-процессуальное, гражданско-процессуальное, хозяйственно-процессуальное законодательство.

Судебная защита протестов. Закон о прокуратуре устанавливает судебную защиту протестов: «В случае нерассмотрения протеста в установленный срок либо его отклонения прокурор вправе обратиться в суд с заявлением об отмене противоречащего закону акта или прекращении незаконных действий. Подача прокурором заявления в суд приостанавливает действие опротестованного акта» (ч. 4 ст. 35). Следует констатировать, что, несмотря на приведенные законодательные предписания, проблема судебного обеспечения протестов окончательно не разрешена в силу отсутствия четкой правовой процедуры обращения прокурора в суд с подобными заявлениями. Вследствие чего в правоприменительной практике прокуроры крайне редко используют указанное полномочие, суды отказывают в принятии заявлений¹⁵.

Остановимся на рассмотрении вопросов, связанных с правовым механизмом обращения прокурора в суд. Правовую процедуру необходимо дифференцировать в зависимости от того, приносились ли протесты на индивидуальные правовые акты, или же на нормативные правовые акты. От этого зависит, в какой суд, общий (хозяйственный) или Конституционный, следует обращаться за защитой протеста.

Обратимся прежде всего к правовой регламентации обращений прокуроров в общие суды. В юридической литературе неоднократно указывалось на определенное несовершенство законодательства, гарантирующего прокурорам право обращаться в суд за защитой принесенных протестов. Ю. Лутченко, В. Парамоновым предлагалось строго регламентировать, в виде отдельной главы гражданского процессуального кодекса, порядок рассмотрения судом заявлений прокурора¹⁶.

Однако новый Гражданский процессуальный кодекс (ГПК) Республики Беларусь не решил поставленную задачу. Как и ранее, в ГПК непосредственно не указано о подведомственности судам дел исследуемой категории (ч. 1 ст. 37). И только положения ч. 2 ст. 37 ГПК,

говорящие о подведомственности судам прочих дел (помимо перечисленных в ч. 1 ст. 37), отнесенных законодательными актами к их компетенции, позволяют утверждать о подведомственности суду рассматриваемых заявлений прокуроров. Однако здесь, как обоснованно отмечается в юридической литературе¹⁷, встает очередная проблема: какие же дела Закон о прокуратуре относит к подведомственности суда?

Первоначальная редакция п. 6 ч. 2 ст. 22 Закона о прокуратуре указывала на оспаривание прокурорами в судах необоснованно отклоненных протестов принесенных на противоречащие законодательству правовые акты либо об оставлении их без рассмотрения. В ст. 35 также содержались правила об обращении прокуроров в суд с заявлениями в случае нерассмотрения протестов в установленный срок или их отклонения. Таким образом, Закон относил к компетенции суда рассмотрение заявлений прокуроров о защите любых протестов. Однако 6 октября 1994 г. редакция п. 6 ч. 2 ст. 22 была изменена. В соответствии с новой редакцией прокурор «предъявляет в суды иски и заявления в защиту прав и законных интересов государства, предприятий, учреждений и организаций государственных форм собственности, а в защиту прав и законных интересов субъектов хозяйствования негосударственных форм собственности и граждан – в случаях, если они лишены возможности самостоятельно защитить свои интересы»¹⁸. Как видно, в новой редакции не упоминается о возможности прокуроров защищать в суде протесты. Ее толкование в правоприменительной практике привело к тому, что суды стали принимать к рассмотрению заявления прокуроров о судебной защите протестов, в т. ч. принесенных в целях защиты прав человека, с учетом предписаний п. 6 ч. 2 ст. 22 Закона¹⁹.

В юридической литературе сложившееся положение подверглось заслуженной критике. Ю. Лутченко, В. Парамонов полагают, принимая во внимание, что редакция ст. 35 Закона о прокуратуре осталась прежней, и обращаясь с заявлением в суд, прокурор не только защищает интересы конкретного человека, но и выполняет возложенные на него конституционные обязанности – подведомственность дел по заявлениям прокуроров о защите протестов не должна ставиться в зависимость от того, могли или нет сами материально (лично) заинтересованные лица обратиться в суд²⁰.

Поддерживая данную точку зрения, отметим, что в целях такого единообразного толкования Закона о прокуратуре необходимо в ч. 4 ст. 35 дополнительно указать на право обращения прокуроров в суд за защитой протестов независимо от того, имеют ли возможность лица, в интересах которых принесены протесты, самостоятельно защищать свои права и интересы в суде или нет.

Вместе с тем нельзя не отметить, что ГПК не говорит о возможности обращения прокуроров в суд с заявлениями о возбуждении гражданских дел в связи с нерассмотрением протестов в установленный срок либо их отклонением. Это обстоятельство также не способствует судебной защите протестов, так как исходя из большей юридической силы ГПК по отношению к Закону о прокуратуре следует, что не все протесты прокуроров подлежат судебной защите. Конечно, часть заявлений прокуроров может быть принята судом к рассмотрению, так как допустимо, что протесты приносились в защиту прав и охраняемых законом интересов несовершеннолетних, недееспособных, ограниченно дееспособных и иных граждан, юридических лиц государственной формы собственности, лишенных возможности самостоятельно защищать свои интересы, а также Республики Беларусь, ее административно-территориальных единиц и юридических лиц государственной формы собственности, в которых, наряду с иными требованиями, ставился вопрос о пресечении нарушений, ограничений прав, свобод и законных интересов человека и восстановлении нарушенных прав.

Однако как же быть с теми протестами прокуроров, которые не подпадают под категорию подведомственных суду дел, инициировать возбуждение которых вправе прокуратура. Считаем, что в целях реального обеспечения прав прокуроров обращаться в суд за защитой принесенных протестов по вопросам охраны правового статуса человека необходимо в ст. 81 ГПК указать на правомочие прокуроров обращаться в суд с заявлениями о возбуждении гражданских дел в случае нерассмотрения протестов в установленные сроки либо их отклонении. Тем самым будет создан реальный механизм обращения прокуроров в суд за защитой протестов.

Ведя речь о судебной защите протестов, необходимо остановиться еще на одном вопросе процессуального характера, не получившем отражения в юридической литературе. В отношении определенной категории правовых конфликтов, подлежащей разрешению в суде,

установлен обязательный внесудебный порядок разрешения юридического спора. При этом ГПК зачастую требует, чтобы спор разрешался вышестоящими по отношению к органу или должностному лицу, действие (бездействие) которых обжалуется органом или должностным лицом (ст. 341, 344, 354 и др.). По существу приведенное предписание закона является очередным препятствием в реализации прокурорами права обращаться в суд за защитой протестов, принесенных в интересах граждан.

Считаем, что в целях разрешения указанной проблемы необходимо в ГПК, в частности в ст. 6, отразить, что прокуроры возбуждают судебные дела без соблюдения досудебного порядка урегулирования юридического конфликта. Тогда все станет на свои места. Ни у кого не вызовет сомнения право прокуроров обращаться в суд за судебной защитой протестов.

При судебной защите протестов, принесенных на несоответствующие законодательству нормативные правовые акты, необходимо учитывать, что вопрос относительно конституционности нормативных актов может рассматривать только Конституционный Суд Республики Беларусь²¹. В связи с этим рассмотрение вопросов, связанных с судебным обеспечением протестов прокурора, следует проводить в рамках более широкой проблемы – необходимости предоставления Генеральному прокурору Республики Беларусь полномочия инициировать конституционное правосудие.

Несмотря на то что в Конституции Республики Беларусь, в Законе Республики Беларусь «О Конституционном Суде Республики Беларусь» Генеральный прокурор не указан в качестве субъекта обращения в Конституционный Суд, практически ни у кого не возникает сомнения в необходимости наделения Генерального прокурора таким полномочием²². Более того, решение данного вопроса уже вышло за рамки теоретических рассуждений²³.

Обосновывая возможность включения Генерального прокурора в круг субъектов обращения в Конституционный Суд, Г. Василевич, А. Лукашов, В. Подгруша отталкиваются от положений ч. 1 и ч. 7 ст. 116 Конституции Республики Беларусь. По мнению авторов, конституционные предписания являются базой для развития компетенции Конституционного Суда, которая определяется не только Конституцией, но и Законом Республики Беларусь «О Конституционном Суде

Республики Беларусь», что позволяет увеличить перечень субъектов инициирования конституционного правосудия в самом Законе²⁴.

В целом мы поддерживаем данную позицию. В то же время необходимо отметить, что высказываемые в юридической литературе предложения предполагают предоставление Генеральному прокурору данного права в полном объеме, т. е. возможности ставить вопрос о конституционности любого акта, указанного в ст. 116 Основного Закона страны. Полагаем, что в случае закрепления рассматриваемого права Генерального прокурора в Законе Республики Беларусь «О Конституционном Суде Республики Беларусь» можно говорить лишь об усеченном полномочии Генерального прокурора. Авторами не в полной мере учитываются предписания ст. 137 Основного Закона страны, в соответствии с которыми действующее законодательство Республики Беларусь должно соответствовать всем положениям Конституции. Предоставление в Законе Республики Беларусь «О Конституционном Суде Республики Беларусь» Генеральному прокурору права обращаться в Конституционный Суд не будет противоречить ст. 116 Конституции, однако будет расходиться с предписаниями ст. 125–128 Основного Закона страны. В частности, ст. 125 Конституции Республики Беларусь устанавливает закрытый перечень объектов прокурорско-надзорной деятельности. Анализ приведенной конституционной нормы позволяет констатировать отсутствие у Генерального прокурора права инициировать конституционное правосудие в отношении нормативных актов, изданных (принятых) органами и должностными лицами, не входящими в круг объектов прокурорского надзора. Конечно, такая ситуация не будет отвечать современным требованиям, вызывающим необходимость предоставления Генеральному прокурору данного полномочия в полном объеме. Закрепление в Законе Республики Беларусь «О Конституционном Суде Республики Беларусь» полномочия Генерального прокурора инициировать конституционное правосудие необходимо рассматривать как промежуточный шаг в решении задач, указанных в п. 49.1 Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь²⁵.

Предоставление Генеральному прокурору права инициировать конституционное правосудие в полном объеме требует изменений конституционных предписаний. В юридической литературе в этом плане предлагают два варианта решения: либо через вынесение во-

проса на референдум, либо посредством принятия конституционного закона²⁶.

Возвращаясь к судебному обеспечению протестов прокуроров, принесенных на нормативные правовые акты, противоречащие законодательству, отметим, что они требуют защиты в рамках конституционного правосудия. Это должно быть отражено в ст. 35 Закона о прокуратуре. При этом полагаем, что срок, предусмотренный для обращения прокурора в суд с заявлением об обеспечении протеста, в этом случае должен быть значительно увеличен или вовсе предоставлена возможность бессрочного обращения. Предложение объясняется тем, что прокурорам низшего и среднего звеньев системы органов прокуратуры Республики Беларусь потребуется время для подготовки и передачи Генеральному прокурору ходатайств об инициировании им конституционного правосудия. Генеральному прокурору, в свою очередь, также необходимо время для анализа полученных ходатайств, подготовки официального текста обращения.

Предпочтительнее, как представляется, выглядит точка зрения о бессрочном обращении Генерального прокурора в Конституционный Суд. Стоящие перед органами прокуратуры Республики Беларусь задачи требуют предоставления прокурорским работникам возможности в любой момент ставить перед Конституционным Судом вопрос о судебной защите протестов.

Рассматривая процедуру судебной защиты протестов, следует также учитывать, что по действующему законодательству обращение субъектов инициирования конституционного правосудия в Конституционный Суд не влечет приостановления действия нормативного правового акта.

Основываясь на изложенном, предлагаем внести дополнения в ст. 35 Закона о прокуратуре, указав, что:

«Генеральный прокурор Республики Беларусь, его заместители вправе обращаться в Конституционный Суд Республики Беларусь по вопросам конституционности опротестованных нормативных правовых актов независимо от сроков, прошедших с момента отклонения, нерассмотрения протестов. Обращение не приостанавливает действия оспариваемого акта».

¹ Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1993. № 10. Ст. 95.

² Прокуратура Республики Беларусь. Статистическая отчетность за 1999–2001 гг.

³ Березовская С. Г. Охрана прав граждан советской прокуратурой. М., 1964. С. 148–150.

⁴ Чурилов А. В. Защита прав и свобод человека и гражданина средствами прокурорского надзора. М., 2001. С. 51.

⁵ Мелкумов В. Г. Общий надзор прокуратуры. Основные формы прокурорского реагирования на выявленные нарушения законов (По материалам Таджикской ССР). Душанбе, 1963. С. 118; Чурилов А. В. Указ. соч. С. 51.

⁶ Крамник А. Н. Административное право и государственное управление в Республике Беларусь. Мн., 2001. С. 166–170.

⁷ Радонцев А. С. О возможности опротестования прокурором устных правовых актов и вынесения устных протестов // Совершенствование прокурорского надзора в СССР: Сб. статей. М., 1973. С. 206.

⁸ Дедков Л. Л. Прокурорский надзор на страже законности. Мн., 1982. С. 60; Мелкумов В. Г. Указ. соч. С. 44–46; Лебединский В. Г. Советская прокуратура и ее деятельность в области общего надзора. М., 1954. С. 123.

⁹ Прокурорский надзор в СССР: Учеб. / Под ред. Б. А. Галкина. М., 1982. С. 110–111; Журомский С. И. Основные направления прокурорского надзора в БССР в годы индустриализации и коллективизации (1926–1932): Дис. ...канд. юрид. наук. Мн., 1979. С. 63–64; Прокурорский надзор: Курс лекций и практикум. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Ю. Е. Винокурова. М., 2001. С. 200; Кириллов Н. Социалистическая законность. 1991. № 9. С. 22; Николаева Л. А. Общий надзор прокуратуры в советском государственном управлении. Л., 1979. С. 80–81; Радонцев А. С. Указ. соч. С. 208–209.

¹⁰ Берензон А. Д., Мелкумов В. Г. Работа прокурора по общему надзору (Вопросы общей методики). М., 1974. С. 48–50; Долежан В. Полномочия прокурора. Какими им быть // Социалистическая законность. 1990. № 8. С. 16; Лебединский В. Г. Указ. соч. С. 123–124.

¹¹ Комментарий к Федеральному Закону «О прокуратуре Российской Федерации». С приложением ведомственных нормативных актов / Под общ. ред. Ю. И. Скуратова. М., 1996. С. 119; Николаева Л. А. Прокуратура и законность в советском государственном управлении. Л., 1978. С. 57–58.

¹² Мелкумов В. Г. Указ. соч. С. 34–35.

¹³ Николаева Л. А. Общий надзор прокуратуры в советском государственном управлении. Л., 1979. С. 67–68.

¹⁴ Денисов С. А. Формирование контрольной ветви государственной власти и ограничение коррупции // Государство и право. 2002. № 3. С. 15; Чиркин В. Е. Контрольная власть // Государство и право. 1993. № 4. С. 16–17.

¹⁵ Определения судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Беларусь // Судовы веснік. 1994. № 2. С. 33.

¹⁶ Лутченко Ю. В суде – протест прокурора // Судовы веснік. 1997. № 2. С. 56–58; Пармонов В. Судебная защита протеста прокурора // Судовы веснік. 1996. № 1. С. 52.

¹⁷ Пармонов В. Там же. С. 51–52.

¹⁸ О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О Прокуратуре Республики Беларусь» и некоторые другие законодательные акты Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь, 6 октября 1994 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1994. № 30. Ст. 513.

¹⁹ Пармонов В. Указ. соч. С. 51–52.

²⁰ Лутченко Ю. Указ. соч. С. 56–57; Парамонов В. Указ. соч. С. 51–52.

²¹ Василевич Г. А. Конституционное право Республики Беларусь. Мн., 2002. С. 661.

²² Подгруша В. Конституционный контроль в Беларуси: состояние и перспективы совершенствования // Бюллетень нормативно-правовой информации. 2002. № 6. С. 31.

²³ О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь, 10 апреля 2002 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2002. № 46. С. 5–17; О внесении дополнений в Регламент Конституционного Суда Республики Беларусь: Решение Конституционного Суда Республики Беларусь, 11 июня 2001 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2001. № 59. С. 221; О соответствии Конституции статьи 37 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях и практики ее применения: Решение Конституционного Суда Республики Беларусь, 25 апреля 2001 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2001. № 43. С. 12–16.

²⁴ Василевич Г. Развитие конституционного контроля как важнейшее условие защиты прав граждан // Бюллетень нормативно-правовой информации. 2002. № 6. С. 23, 24; Лукашов А. Конституционный Суд Республики Беларусь: судебная защита прав и законных интересов граждан // Юрист. 2002. № 2. С. 55–56; Подгруша В. Указ. соч. С. 35.

²⁵ О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь, 10 апреля 2002 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2002. № 46. С. 5–17.

²⁶ Подгруша В. Указ. соч. С. 35.